

Владислав Ланский
Мордоплюйство

16+

Владислав Ланский

Мордоплюйство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44035120

SelfPub; 2022

Аннотация

Человек забывает, что его окружают другие люди: любящие, уставшие, одинокие – такие же, как он сам. Автор рассказывает, что эгоизм начинается с незначительной грубости, растущей вверх. Грубость – показатель слабости и неотъемлемого желания жить в коконе. Персонажи – знакомые, друзья, приятели. Место – наш мир, наша страна, наш менталитет. Свет приветствует каждого с удара и ругательств, будь ты молодым, старым или вовсе тротуаром. В причудливых персонажах вы можете найти себя, а в безрассудных действиях свою жизнь. Однажды, нагрубив коту, вы передадите привет президенту. И жизнь изменится.

Владислав Ланский

Мордоплюйство

Золотой день.

Зайчики свистят.

Тюлени гудят.

Автобус едет.

Молодой человек рысью поспекает за ним.

– Догоню! – кричит он.

– Не догонишь! – кричит автобус.

Зацепившись за ручку двери, молодой человек влетает в салон.

– Догнал, – подытоживает маленькая девочка.

Молодой человек стократно извиняется, жмет водителю руку, целует всех женщин в щеку, дарит маленькой девочке конфету и садиться на свободное место. Но нога соседки мешает принять удобное положение, потому получает каблуком в палец.

– Ай! Ой! Ый! – крихтит женщина. – Смотрите куда наступаете! Молодой человек снова стократно извиняется, жмет водителю руку, целует всех женщин в щеку и дарит маленькой девочки конфету. Но опять наступают на ту же ногу.

– Какой вы мерзкий человек! – вопит женщина. – Среди бела дня на ногу наступать! Да как так можно?

Озадачил этот вопрос молодого человека, а после неболь-

шого размышления и обидел. Притаил он злобу, надулся, как воробей и до конца поездки дышал то левой ноздрей, то правой.

На выходе наорал молодой человек благим матом на водителя, не передал за проезд и ушел в закат со сморщенным, как курага лицом.

Слезла светлая улыбка с водителя, и только он хотел что-то пробубнить, как прозвучало:

– Да пошел ты со своим автобусом.

В проходе, расталкивая всех людей, ковыляла женщина.

– Ноги лишилась из-за тебя, – добавила она, вытаращив средний глаз.

И пошел: автобус и водитель. Водитель держался за левое колесо, а автобус все время плакал и просил: «Марожку-у-у!».

– Пойдите, дядя! – крикнула маленькая девочка. Ее рука, похожая на один большой волдырь, протянула две конфеты. Она, показав свою беззубую улыбку, тихо сказала:

– Диатез, мать его...

И взорвалась, как воздушный шарик, оставив желтое пятно.

– Негоже четное число дарить, пока не умер, – промямлил автобус и снова заплакал с тем же требованием: «Марожку-у-у-у!».

Сумбурная ночь.

Облако кашляет.

Лужа скачет.

Магазин стоит.

Внутри него собралась очередь с оленью голову.

Кассирша, стуча пальцами по лбу себе и посетителю, выкрикивает:

– Следующий!

Водитель автобуса, подбежав к прилавку, приступил к упорному ворочанию языком во рту.

– Гражданин, побыстрее выбирайте, – возмутилась кассирша, отдавая приказ ушам покружиться в танго, – за вами очередь.

Очередь виновато развела руками, почесала бороду и заправила косу в штаны.

Водитель автобуса, нырнув в карман, извлек крошки, пуговицу, открывашку, пассатижи, чайный гриб и, наконец, полтинник.

– Гражданин, – снова завопила кассирша, создавая своим голосом эхо, – у вас... – Эхо остановилось, заостря внимание на «У вас».

Водитель же взглянул вверх, вниз, влево, вправо, вбок и вкривь, призадумался, пригорюнился и выдал:

– Я тут застрял.

Карман наполнился светом. Кассирша, пробираясь через дебри радужных ниток, держала в зубах фонарь. Посреди джинсовых дюн, она повстречала старых знакомых: караку-

ли со школы и бывших коллег по поеданию просрочки. Заметив голого водителя, ей оставалось только рявкнуть:

– Два рубля не хватает!

Водитель, принялся искать в складках живота, но не нашел и там. Оттолкнув кассиршу, он закричал во все горло:

– Да чтоб ты подавилась!

По несчастью в этот момент кассирша и впрямь ела то ли жвачку, то ли щепень, то ли крошки, выпавшие из кармана.

По счастью в этот момент для кассирши вызвали скорую помощь, а для водителя появилось время спешно вылезти из кармана и покинуть магазин незамеченным.

Через полтора часа или три часа, а может даже шесть часов, никто так и не понял, сколько прошло времени, приехала скорая помощь или точнее пришла с другого города.

Мотнув старой шевелюрой и тем самым затмив аромат конфет, в магазин вошел белый халат. Он тщательно губил все запахи своим дешевым табаком. В его кармане тлела сигарета, в зубах виднелась абрикосовая косточка, на ушах висела лапша.

– Кому здесь плохо? – спросил врач, притворяясь, что не видит перед собой, лежащую по-пластунски кассиршу.

Толпа указала пальцем. Врач повторил, думая, что это знак приветствия. Толпа хмыкнула носом. Врач снова повторил в надежде, что зайдет за своего. Толпа кивнула. Врач тоже, соглашаясь со всеми и во всем.

Кассирша открыла один глаз, огляделась, отряхнулась,

промычала и начала закрывать кассу, боясь снова получить штраф за недостачу.

– О! – протянул врач, и нагло обогнав очередь, надулся губкой, походя на желтого Боба.

– Мне синие супе-пупер-дупер-купер-рупертонкие, – загнулся он и принял задумчивый вид. После часа раздумий добавил: «С корицей».

Кассирша нахмурилась, превратив брови в птицу. Птица, клюнув толпу в голову, полетела, кудахча о философии Камю. Толпа ринулась за ней, угрожая сделать суп из поэзии Мандельштама.

– Вообще-то касса закрыта! – гаркнула кассирша.

– Но мне быстро, – проскулил врач и сделал лицо съеденной говядины.

– Пшел отцеда, сумасшедший! – завизжала кассирша. – А то охрану вызову!

Врач остолбенел и покрылся серой краской. С потолка тек свежий цемент. С пола пенилось молоко. Со стен вздымалось облако. Всё присосалось к врачу и не хотело отпускать его ни на секунду.

– Не думал я о таком, – признался он и побежал, куда глаза глядят.

Темное утро.

Болезнь плюет.

Рассвет встает.

Люди торопятся.

Врач бежит по тротуару, и все время оборачивается назад. Тротуар разваливаясь, как столетние кости, спешит за врачом. Так и бегали они друг за другом, пока перед носком не пробежало что-то. Врач налился ужасом, ему хотелось выть от страха. Он вспомнил все проклятия, насылаемые на его род. Страшилки, рассказываемые на ночь, ему показались анекдотом, а все мифы про чудовищ вдруг стали явью. Тротуар всего лишь усмехнулся.

– Прочь бестия! – скрестил руки врач. – Я просто так не сдамся!

Два огонька прыгнули перед лицом белого халата и оказались на карнизе дома.

– Мяу, – представились два огонька.

– Я тебе щас дам! – пригрозил врач.

– Мяу, – повторили два огонька.

– А ну, – врач не смог подобрать нужного слова и погрозил кулаком, но вместе этого у него вышли ножницы.

Два огонька устало посмотрели и скрылись в проеме дома. Тротуар последовал их примеру и оставил врача посреди песка, грязи и пыли.

К двум огонькам добавились сначала уши, потом лапы, после хвост. Кот, покосившись на спутника, произнес:

– Извините меня, любезнейший, но лучик скоро войдет, и вы должны быть на своем месте.

Тротуар поправил камни в камнях и вышел.

Кот облизнув пальцы, поднял кверху заднюю лапу, но забыл, что на нем меховая шубка. Повесив ее на крючок, он начал свои долгие и тщательные процедуры, про которые не пишут в литературе, ибо срам.

Снизу послышалось ворчание и протяжное всасывание с трубочки.

– Ногу не чувствую. Тротуар пропал. Идти тяжело.

По лестнице ползет знакомая нам женщина. В ее руке бутылочка с горячительным напитком.

За ней идет молодой человек. Старый нам знакомый. Он держит в зубах трубочку и все пытается ей достать до бутылочки.

Еще снизу плетется кассирша, просящая немного крошек из кармана водителя.

Также там и водитель, причитающий:

– Все подорожало, все подорожало.

И, наконец, врач, которому на вид можно дать и пятьдесят, и шестьдесят лет, несмотря на его двадцатилетний возраст.

Никто из них не заметил кота. Они прошли мимо него. И уже входя в свои квартиры, отвлеклись от занятий, и дружно прокричали:

– Кыш, блохастый!

И хлопнули дверьми поочередно.

Кот, остановив чесания уха, посмотрел на ноготь. На нем показался хребет рыбы. Рассматривая останки шуки, кот

произнес сильным голосом:

– У каждого есть границы терпения.

Засунув назад рыбу в укромное место, кот поплелся в сторону чердака. Ключ. Щелчок. Дверь распахнулась.

Блохастый, хоть он себя таким и не считал, ловко устроился на углу крыши, изобразив "Мыслителя". Тихий рык и небольшой стук об балкон, разбудили старушку.

– Что это такое? – задала она вопрос в пустоту.

Ей не спешили отвечать.

Надев черные очки и шляпу "Федора", старушка схватила газету, сделала в ней пару дырочек и уселась на подоконник. И охнула. Посреди петуний, лежал в полный рост человека, моток кошачьей шерсти.

Старуха высказала ведро грубиянств. На ее слова в окно влез молодой человек.

– Вам плохо? – поинтересовался он.

Старуха высказала еще ведро грубиянств. Увидев, что тротуар ходит вокруг дома, высказала снова ведро грубиянств. Заметив, плачущий автобус, опять высказала ведро грубиянств. По оценкам автора, таких ведер было тридцать одна штука.

Старуха не остановилась на этом. Она схватила деснами пачку бумаги, разорвала ее и вытащила несколько листов.

Долго и упорно старуха писала. Потратила она не одну пенсию, чтобы купить еще пару пачек.

– Покажу я вам всем, – твердила она, смеясь на всю улицу.

Отправила старуха письма и стала ждать ответа.

И ответ не стал себя ждать.

В перерывах между работой, президент любил почитать, что присылают люди. Много он смеялся, что помогало ему сохранить свежесть лица. С чашкой чая в руках и горьким шоколадом на блюде, попались на его глаза письма старухи, лежащие в дальнем углу.

– Принеси, раскрой, подай, – приказал он помощнику.

Президент прочитав, первый лист с заголовком "Пожелания" и последний с "Проклятия", закашлял. Так долго он надрывал легкие, что все и забыли о нем. Сменилось поколение за поколением, а президент кашлял и кашлял. Постарели его помощники, превратились в дедов и бабушек. Думали они на смертном одре о своих внуках и правнуках: «Как бы побольше потомкам оставить? ». Обрел и президент седые волосы и глубокие морщины. Наконец-то прекратил он кашлять и напоследок похрипев, позвал помощника, который никак не приходил. Поджав губы, президент спросил у самого себя:

– А может пенсионный возраст поднять?